

ДЕТЕКТИВЪ № 038

сочинитель г-н А. Арсатьев

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Издательский дом
Рипол Классик
Москва

Записки масона

Александр Арсаньев

Рождественский подарок

«Научная книга»

Арсаньев А.

Рождественский подарок / А. Арсаньев — «Научная книга»,
— (Записки масона)

Перед вами оригинальные детективы, в которых криминальные истории, дела, события XIX века, исторические факты из истории масонства искусно переплетаются с современностью. Они соединяют прошлое и настоящее, осуществляя связь времен. `Рождественский подарок` – это еще один роман А. Арсаньева в проекте `Записки масона` серии `Детектив №...`

Содержание

I	7
II	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Арсаньев

Рождественский подарок

Дмитрий Михайлович Готвальд проснулся только где-то после полудня. Он встал с постели, потянулся, облачился в домашнее платье и подошел к столу. Этнограф взял в руки тетрадку в бархатном переплете, он все еще никак не мог поверить в то, что с ним накануне произошло: в окрестностях города Тобольска он встретился с неким Гурамом, бродягой, который продал ему целый сундук с записями масона, разрешенного мастером от силанума – священного обета молчания. Это были дневники Якова Андреевича Кольцова, отставного поручика Преображенского полка, раненого в битве под Лейпцигом. Он писал, что вступил в тайное общество «Золотого скипетра» девятнадцати лет от роду и взял на себя обязанности орденового следователя.

Деятельность масонских организаций была столь запутанной и разносторонней, что Якову Андреевичу без дела бывать практически и не приходилось, тем паче, что за ходом исследований всегда тщательно следили люди, иерархически посвященные в степени еще более высокие и значимые. Одним из таких кураторов деятельности Кольцова был некий Иван Сергеевич Кутузов, которого наш поручик даже иногда побаивался. Однако он оказывал Кольцову помощь нравственную и материальную, чем и заслужил его дружеское расположение. К тому же Иван Сергеевич являлся наставником Кольцова, открывшим ему «истинный свет и тайную природу вещей».

Но после событий декабря 1825 года, в которых Яков Андреевич, видимо, принимал косвенное участие, чем себя и скомпрометировал, он был сослан на поселение в город Тобольск, к счастью для Дмитрия Михайловича Готвальда, заполучившего его бесценные записки.

Вчера Дмитрий Михайлович прочел еще одну из тетрадей Кольцова, обложка которой была исписана таинственными знаками. Речь в ней шла о соперничестве между масонами и иоаннитами. У ученого голова шла кругом от обилия обрушившейся на него информации.

Готвальд повертел в руках тетрадь, в которой Кольцов рассказывал историю приключений баллы Мальтийского ордена и графини Полянской, и спрятал ее в резной сундук. Потом он извлек из него очередные записки. Дмитрий Михайлович с благоговением провел рукой по разбухшей обложке. Пухлая тетрадь хранила в себе новую тайну. Готвальду не терпелось ее открыть, однако он отложил дневник Кольцова в сторонку.

Чуть-чуть подождет! – решил про себя ученый и отправился переодеваться к завтраку. Со вчерашнего дня у него сосало под ложечкой!

После английского завтрака, состоявшего из овсянки и омлета с грибами, этнограф поднялся в свой гостиничный номер. Он первым делом бросился проверять, на месте ли заветный сундук с тетрадями?! Сундук оказался на месте, да и труды Кольцова лежали никем непо потревоженные, все в том же порядке, в каком их оставил Дмитрий Михайлович, прежде чем спустился в столовую.

Готвальд присел к столу и раскрыл тетрадь в предвкушении, что же поведаст ему отставной поручик на этот раз?!

Несколько листов в тетради недоставало. Это слегка опечалило Готвальда, но он, наконец, нашел исписанную страницу, которая не была испорчена, и буквы на которой еще можно было прочесть, не прибегая к каким-либо ухищрениям.

Дмитрий Михайлович был приглашен на обед к тобольскому губернатору и подумывал о том, стоит ли посвящать того в то, что с ним произошло в таежной харчевне, где он впервые встретился с кавказцем, оказавшимся обладателем такого неоценимого сокровища. В конце концов, он все-таки пришел к мысли, что – не стоит. Сенсацию Дмитрий Михайлович намере-

вался произвести в петербургских научных кругах, а пока ему предстояло провести собственное исследование рукописей.

Готвальд внимательнейшим образом рассмотрел ветку акации, схематически изображенную Кольцовым на первой уцелевшей странице. Дмитрию Михайловичу было уже известно из прочитанного, что она символизировала собою бессмертие.

Здесь же были нарисованы меч, молоток и маленькая лопаточка.

Под ними почерком Якова Андреевича была выведена надпись, что «язык масонов иносказательный!»

Готвальд немного поломал голову над тем, чтобы это могло означать, и перевернул страницу. Здесь Кольцов вновь оговаривался, что далеко не все из своей жизни, принадлежащей Ордену, смог отразить на страницах этого дневника. Далее взору Дмитрия Михайловича предстали следующие строки: «Вопреки тому, что „единственная мечта масонства есть быть счастливыми“, я всегда, образно говоря, сжимал в руках обнаженный меч, призванный защищать закон и карать предателей. Мне, посвященному в одну из рыцарских степеней, предстояло всю жизнь преследовать воров и убийц, посягнувших на человеческое счастье...»

Ах, вот оно что! – догадался Готвальд. – Вот причина того, что Яков Андреевич изобразил этот орденский атрибут едва ли не на первой странице!

«Да будут молотом отсечены все лишние!» – шепотом прочел Дмитрий Михайлович. От этих слов ему сделалось жутко, и он невольно передернул плечами.

«Однако всю жизнь я старался проявлять снисхождение к человеческим слабостям...» – Готвальд, потакая своей слабости к анализу, заключил, что лопаточка символизировала именно это.

Далее строчки вновь оказались размытыми, и Дмитрию Михайловичу пришлось перелистнуть еще несколько страниц.

I

В канун Рождества все были заняты предпраздничными хлопотами. Мира обновляла свой гардероб, Кинрю суетился с подарками, я же наносил визиты своим многочисленным петербургским знакомым. В доме моего мастера и наставника Ивана Сергеевича Кутузова я впервые и встретился с князем Николаем Николаевичем Титовым, как мне было известно, человеком довольно влиятельным при дворе. Кутузов представил его мне масоном, членом одной из известных столичных лож.

Невольно я бросил на князя внимательный взгляд. Наставник шепнул мне на ухо, что Николай Николаевич служит в Московском архиве Коллегии иностранных дел, но часто бывает в Санкт-Петербурге.

– Он дружен с князем Голицыным, – добавил Кутузов многозначительно, – с обер-прокурором Синода. А через него водит знакомство с графом Румянцевым. Вам, должно быть, известно, что граф близок к царю...

Я согласно кивнул. У меня и так не оставалось сомнений, что Титов принадлежит к сильным мира сего.

– Яков Андреевич Кольцов, – отрекомендовал меня Иван Сергеевич князю Николаю Николаевичу с приятной улыбкой на устах. Звезды на его белом мундире блистали в свете бронзовых канделябров.

– *Charme' de vous voir*, – ответил Титов с заметным акцентом.

– Взаимно, – произнес я по-русски, продолжая вглядываться в его лицо. Однако мне показалось, что сурово оно только на первый взгляд. Я мысленно гадал, к какой из орденских степеней он принадлежит. Что-то подсказывало мне, что Николай Николаевич Титов, скорее всего, был посвящен в один из высших градусов Шотландского обряда.

Князь взирал на меня нежно-голубыми глазами и улыбался тонким изгибом чуть бледноватых губ. Мне подумалось, что он болен какой-нибудь сердечной болезнью, до того нездоровым показался мне цвет его лица.

Титову было около шестидесяти лет, но выглядел он немного старше. Со щек у него свисали седые бакенбарды, посеребренные инеем волосы на голове были уложены у Николая Николаевича в довольно красивую прическу. Одет князь был в штатский светлый костюм.

Я обратил внимание, что руки у моего нового знакомого были довольно сильными, с узловатыми крепкими пальцами, один из которых был украшен чугунным перстнем с адамовой головой.

Точно такой же я видел и у Кутузова. Он выдавал принадлежность Титова к масонской ложе.

На этом приеме в доме Ивана Сергеевича мне удалось сдружиться с этим обаятельным старичком. Он оказался довольно прост в обращении, так что мне не составило особого труда войти к Николаю Николаевичу в доверие. В итоге я получил приглашение в его имение на Рождество. Отказаться у меня не было никакой возможности, да и желания, говоря откровенно, – тоже!

– Но буду я не один, – оговорился я. Мне не представлялось возможным оставить Миру с Кинрю в одиночестве на этот великий праздник, когда зажигались сверкающими огнями душистые елки, и всех вокруг охватывала рождественская лихорадка.

– Я слышан о вашей компании, – улыбаясь ответил князь. Я знал, что о Мире и Кинрю в северной столице ходили слухи.

Кое-кому было известно, что я привез из обоих с Востока, где выполнял возложенную на меня орденом «Золотого скипетра» миссию.

Мира была родом из Индии, где мне удалось однажды спасти ей жизнь, и потому она мнила себя обязанной быть в меня влюбленной до конца своих дней. Индианка была несказанно хороша собой и слыла у себя на родине гадалкой. Впрочем, мне и самому не приходилось сомневаться в ее способностях. В моем же доме на Офицерской улице она добровольно взяла на себя обязанности управительницы и экономки.

Кинрю же покинул вместе со мной Японию, где занимал видное положение при дворе. Только с его помощью я и сумел избежать всех ужасов тюрьмы. На самом деле моего друга звали Юкио Хацуми, хотя сам он себя почему-то именовал Кинрю, что в переводе с его языка значило ни больше ни меньше как «Золотой дракон»! Во избежание недоразумений я представлял его моим знакомым в качестве преданного и бессменного своего слуги. Японец нисколько не возражал, он и сам считал себя кем-то вроде моего ангела-хранителя!

– И вы не возражаете, что я приеду к вам в имение со своими спутниками? – осведомился я.

– Не возражаю, – ответил князь.

Вот так и состоялось наше знакомство. Чуть позже от Кутузова я узнал, что в имении Николая Николаевича Титова будет еще гостить и индийский брахман. Как оказалось, князь слыл в столицах выдумщиком, чудаком и любителем экзотики. О других гостях Иван Сергеевич и словом не обмолвился, так что мне предстояло познакомиться с ними прямо на месте. Я подозревал, что пригласили меня в имение неспроста...

Я вернулся домой в предвкушении грядущего праздника.

Навстречу мне вышла Мира, которая, как всегда, уже успела соскучиться. Глаза ее лучились от счастья.

– Яков Андреевич! – обрадовалась она.

Колонный портик в античном стиле, притворяющий двери моего дома, был весь засыпан снегом. Белое покрывало, сотканное метелью из бесчисленного количества снежинок, переливалось в свете фонарей, соперничая с ночными звездами.

– Здравствуй, моя дорогая! – кивнул я Мире, которая куталась в ганзу из винного бархата – подбитый и украшенный горностаем короткий глухой жакет с длинными, узкими рукавами. Смуглые ладони моей индианки скрывали изящные кружевные манжеты. Ее густые черные волосы были убраны в греческую прическу, которую мокрый снег скрывал, будто бы пуховым, вязаным на спицах, платком. Снежинки таяли, стекая ей на лоб мелкими, прозрачными каплями.

Мира протянула мне озябшие руки. Я сжал их в своих ладонях.

– Да ты совсем замерзла, бедняжка, – шепнул я встревоженно и устремился в наш особняк, увлекая ее за собою.

– Нет, – возразила она. – Мне нравится этот снег!

– Ты заболеешь, – проговорил я, ускоряя шаг. – И это на праздники-то! – продолжал возмущаться я. – Ничего себе подарочек к Рождеству!

– Сваруп приготовит мне бальзам, – улыбнулась Мира. – У него волшебные руки, – сказала она, послушно ступая следом за мною по расчищенной от снега дорожке. Сварупом звали индийца, старого слугу, которого Мира привезла с собою ко мне из Калькутты.

Я бросил взгляд в сторону английского парка, примыкающего к особняку. Он радовал глаз отсутствием какой бы то ни было симметрии. Деревья, посаженные свободными группами, стояли, словно заснеженные истуканы.

– Красиво, – проследив за моим взглядом, сказала Мира.

Я кивнул.

– Как твой поход к модистке? – спросил я у нее уже в гостиной.

Мира сняла канзу, представ передо мною в европейском муаровом платье с завышенной на французский манер талией.

Она осторожно стряхнула снежинки с роскошных волос.

– Удачно, – заулыбалась девушка.

– Очень кстати, – заметил я, думая о своем.

– Почему? – удивилась индианка.

– Завтра утром мы все уезжаем в имение к одному очень знатному господину, – ответил я. – И проведем у него все праздники...

– Вот как? – Мира всплеснула руками. – А Кинрю уже знает об этом?

– Нет, – я покачал головой, снимая цилиндр. – Но узнает вот-вот!

– Что за господин? – осведомилась Мира.

– Князь Николай Николаевич Титов, – ответил я. – Очень влиятельная особа при дворе.

– А... – Мира кивнула. Не трудно было догадаться, что это имя ей ни о чем не говорило.

Однако она предпочла удержаться от комментариев.

Спустя около получаса в карете прибыл Кинрю с обмороженными щеками, которые горели огнем. Аннушка, горничная, в тайне в него влюбленная, кинулась растирать их снегом. Я ей приказал прекратить это безобразие и велел ему согреться рюмкой крепкой прозрачной водки, бокалом душистого чая с цикорием и укутаться в шарф из кашмирской шерсти.

Мира только руками всплеснула, едва завидев его обмороженную физиономию. Она российские морозы переносила как-то полегче, да и вообще, жизнь в Пальмире Финской – я имею в виду любимый наш Петербург – давалась ей с гораздо меньшим трудом, чем бесстрашному Золотому дракону с глазами египетского сфинкса.

Кинрю велел Аннушке отнести в свою комнату свертки с подарками.

– И что, – поинтересовался я, – так и не покажешь до праздника?

– Не-а... – покачал Кинрю головою, укутанной в теплый кашмирский шарф. Это вышло так уморительно, что Мира расхохоталась переливистым звонким смехом.

Как только он отогрелся и немного пришел в себя, я объявил ему, что утром мы уезжаем.

– Подозрительно это как-то, – проговорил Кинрю. – Не иначе во всем этом замешан Иван Сергеевич, – мой Золотой дракон, как всегда, подразумевал Кутузова и, надо сказать, не без причины.

– Мы едем в имение князя Титова отмечать Рождество Христово, – твердо ответил я. По крайней мере, мне самому об этом более ничего известно не было, а отказать такому влиятельному человеку, как протеже самого господина Румянцева, в таком сущем пустяке, как вождение хоровода кругом Weihnachtsbaum, то есть рождественского дерева, я не имел, впрочем, никакой возможности! О чем я тут же и записал в своем дневнике с бархатной обложкой, который надоумилось мне вести по совету Иоанна Масона, с целью исповедания.

– И все равно, – настаивал японец, – сдается мне, что здесь не обошлось без нашего благодетеля! – он усмехнулся.

Я пропустил его иронию мимо ушей, в конце концов, именно участие Ивана Сергеевича Кутузова и позволяло нам вести безбедное и, я бы даже сказал, блистательное существование.

После ужина я поднялся в свой кабинет, который располагался справа по коридору окнами в сад. Он представлял из себя небольшую комнату, выстроенную в готическом стиле, со сводчатым потолком и единственным витражным стеклом. Под стрельчатыми сводами этой кельи мерцал единственный миниатюрный фонарик, блики от которого ложились на стены, обитые нежно-розовым шелком.

Эту ночь я провел именно здесь, в ожидании визита моего мастера, который обычно входил через тайную дверь, скрытую с глаз темно-коричневым гобеленом. Однако Иван Сергеевич моих ожиданий не оправдал, и мне оставалось только гадать, что же нас ждет в имении Николая Николаевича Титова...

К вечеру следующего дня мы прибыли по месту своего назначения. Наши цуги, – упряжки, в которой лошади шли парами одна за другой, – остановились прямо у парадного

входа в усадьбу. Освещенный подъезд предваряли темные ели, дремавшие в кружеве инея, застывшего на тяжелых ветвях прозрачными каплями серебра.

– Как красиво! – восхищенно проговорила впечатлительная индианка. От непогоды ее защищала длинная темно-лиловая тальма с пелериной и бобровая черная шапочка. На пальце поблескивал перстень с рубином – рождественский подарок Кинрю.

Японец не удержался и одарил нас всех накануне поездки.

Лично мне он преподнес изящную часовую цепочку. Я же, в свою очередь, торжественно вручил ему исключительно модный галстук. Кинрю европейскую одежду не особенно уважал, но сделал вид, что доволен, соответственно случаю.

Мира получила от меня в подарок браслет из яшмы, который тут же спрятала в свой ларец с драгоценностями.

Не успели мы выбраться из кареты, как здесь же остановился еще один дорожный дормез.

– Гости съезжаются, – глубокомысленно заметил Кинрю, вдыхая подвижными ноздрями аромат заснеженной хвои. – Русская зима! – проговорил он, потягиваясь.

Я внимательнейшим образом рассмотрел карету со вновь прибывшими и заключил, что она из себя ничего особенного не представляла. Я пообещал себе ничего из вида не упускать. В конце концов, мне ведь так до сих пор и не было понятно, зачем меня пригласили погостить у князя Титова.

Из дормеза выскользнула женщина лет тридцати и тут же нырнула в сугроб. Тогда ей на помощь бросился кучер.

– Барыня, да что же вы! Да как же!.. – причитал он, вызволяя ее из снежного плена.

По ее внешнему виду я заключил, что в самом ближайшем будущем нам предстоит, по-видимому, познакомиться с англичанкой.

Женщине наконец удалось выбраться из сугроба и встать на ноги.

– Спасибо, – коротко поблагодарила она по-русски с заметным акцентом. И я только лишний раз убедился в том, что моя догадка относительно ее происхождения, кажется, справедлива.

– А особа-то – оригиналка, – сострил Кинрю.

– Не вижу ничего смешного! – возмутилась сердобольная индианка и передернула плечами под тальмой.

Женщина была одета в зимнее бархатное пальто, пошитое на английский манер: с короткой талией и длинным, закругленным спереди поясом, заложеными складками и отделанным вдоль нижнего края плотными кружевами небесно-голубого оттенка.

Она комкала в руках меховую муфту и то и дело поправляла маленький зимний капор на голове. Всеми силами женщина старалась побороть охватившее ее смущение. От внимания англичанки не ускользнуло, что у подъезда остановилась наша карета, и что какой-то незнакомый господин со странным разрезом глаз рассматривает ее из окна.

– Кинрю! – одернул я своего «Золотого дракона». – Барышне и так довольно неловко!

– Интересно, кто она, – не скрывая своего любопытства, протянул японец.

– Скоро познакомимся, – заверил я.

Англичанка скрылась в дормезе, но через несколько секунд снова выпорхнула из него и велела кучеру вынести наружу ее багаж. Потом она помогла выбраться из дормеза мальчику лет пяти.

– Сашенька! Быстрее! – приказала она. – Нас уже заждались! – взволнованно воскликнула англичанка.

– Гувернантка, наверное, – высказал я свое предположение.

– Настенька! – в этот раз англичанка обращалась к такой же маленькой девочке. – Я вас умоляю, поторопитесь!

Наконец-то и дети выбрались из дормеза и стали бросать друг в друга снежками.

Гувернантка возвела очи к небу и что-то пробормотала себе под нос на родном языке. Потом она вздохнула и тихонько произнесла, обращаясь к Богу:

– Oh my God!

– Еще те деточки! – заулыбалась Мира.

Все-таки англичанке удалось увести их в усадьбу. Тогда и мы покинули свои цуги и направились прямо к подъезду, где нас ожидал в парадной красной ливрее вышколенный лакей.

Николай Николаевич ждал нас в гостиной. Здесь же кружились дети со своей гувернанткой, которой никак не удавалось сладить с обоими. Однако князь смотрел на это сквозь пальцы и, казалось, был абсолютно доволен тем, что происходило вокруг.

– Знакомьтесь, – проговорил он улыбаясь, – внуки!

– Очаровательные детки! – сказала Мира.

– О, да! – кивнул Кинрю.

– Ну-ка марш в детскую! – велел Николай Николаевич. – Елку еще не зажигали!

Как ни странно, дети деда послушались. Англичанка ушла вместе с ними, слегка прикусив губу.

– Француженку они уже выжили, – пояснил Титов, усмехнувшись.

– Не удивительно, – заметил я и представил брату-масону двух своих спутников.

– Charmante... – князь Титов низко поклонился и поцеловал индианке смуглую руку.

В этот момент в комнату вошла немолодая уже женщина в темно-вишневой атласной робе и пышном чепце, расшитом некрупным бисером.

– Ольга Павловна, – представил ее князь Титов. – Моя супруга.

– А почему вы не представите нам англичанку? – позволил себе поинтересоваться японец.

– Ну... – замялся князь, – это как-то не принято.

Я ткнул моего Золотого дракона в бок.

– Впрочем, – добавил Николай Николаевич, – вы еще познакомитесь с Мери-Энн... То есть, – он поправился, – с мисс Браун.

Ольга Павловна смерила своего мужа колючим взглядом темно-карих, почти что черных, глаз. Я заметил, что и с Мирой они, едва увидевшись, не влюбились друг друга. Княгиня показала мне особой довольно высокомерной.

Через какое-то время лакей объявил, что прибыл еще один гость. Я ожидал увидеть индийского брахмана, о котором так много говорили в Петербурге. Но в гостиную вошел высокий мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти, во фраке с серебряными пуговицами. Лакей снял у него с плеч медвежью шубу и скрылся в коридоре.

– Иван Парфенович Колганов, – отрекомендовал его хозяин имения. – Мой близкий друг.

– Яков Андреевич Кольцов, – проговорил он, указывая на меня. – Приятель Ивана Сергеевича Кутузова.

Я заметил, что имя моего покровителя произвело на Ивана Парфеновича неизгладимое впечатление.

Не успели мы с этим господином пожать друг другу руки, как на пороге неожиданно возник Лаврентий Филиппович Медведев.

– Какими же судьбами? – вслух удивился я.

Присутствие в имении квартального надзирателя, который время от времени оказывал мне услуги полицейского рода, еще больше убедило меня во мнении, что я оказался здесь неспроста, и что следует ожидать всяческих неожиданностей. Мне очень хотелось перебраться парой фраз с надзирателем наедине.

– Лаврентий Филиппович, – объяснил князь Титов, – приходится двоюродным племянником моей дорожайшей супруге.

– В самом деле? – картинно обрадовался я. – Какое совпадение! Ведь мы знакомы!

– О, да! – кивнул Лаврентий Филиппович, захлопав золотисто-рыжими ресницами. Одно я знал наверняка: он меня на дух не выносил, но терпел по долгу службы и из материальных соображений.

Мира устроилась на оттоманке, почти что у самого камина.

Она очень любила смотреть на огонь, словно наблюдала в его пламени занимательные картины. Однажды индианка шепнула мне на ухо, что видит там наше будущее. Но я не стал пытаться ее, что оно нам сулит.

Николай Николаевич, Колганов, Лаврентий Филиппович и я устроились за ломберным столом. Должен признаться, что за игрой мне обычно везло до неприличия! В меру своих возможностей я старался этим не пользоваться... Если только в интересах нашего Ордена!

Княгиня Ольга Павловна присела к Мира на оттоманку.

– Говорят, вы предсказываете будущее? – зашептала она.

– Говорят, – подтвердила Мира, ничуть не изменившись в лице. Она чувствовала, что в вопросе княгини сквозила ирония. Однако индианка и вида не подавала, что ее это каким-нибудь образом трогает. Выдержки моей Мира было не занимать. В этом мне пришлось убедиться еще у нее на родине.

А светские страсти не шли ни в какое сравнение с тем, что нам пришлось вынести с ней на Востоке!

В платье, затканном золотом, с золотой диадемой на волосах, моя индианка выглядела восхитительно и всем своим видом походила на принцессу из сказки. Мирины зрачки сливались с черным бархатом ее глаз.

– Вы не похожи на гадалку, – заявила княгиня. – Хотя...

– полагаю, она едва не сказала, что Мира вполне могла бы сойти за цыганку, промышлявшую ворожбой, но вовремя прикусила язычок. Если бы Ольга Павловна осмелилась на такое, то скандала с мужем было бы не избежать! А ей совсем не хотелось испортить себе весь праздник. К тому же князь оказался настолько щедр, что превзошел все ее ожидания...

Мира встретила глазами с княгиней, и та невольно отвела взгляд. Глаза индианки завораживали, гипнотизировали, манили за собой в глубокую бездну...

Ольга Павловна отмахнулась от этого взгляда, словно от наваждения. Она с трудом поборола в себе желание перекреститься и три раза воскликнуть: «Чур меня!»

– Возможно, – промолвила Мира и снова устремила свой взгляд в камин, где мирно потрескивало пламя. За окнами завывала вьюга.

А я то и дело отвлекался от игры и проиграл два роббера.

– Что-то вам сегодня не везет, Яков Андреевич! – усмехнулся Лаврентий Филиппович Медведев и подмигнул мне заплывшим глазом. Я же никак не мог сосредоточиться на игре, все мое внимание привлекли к себе Мира с княгиней. Я почему-то переживал за индианку и не мог найти объяснения своей тревоге. Чувство мое скорее было иррациональным.

– Ну, так вы все-таки умеете предсказывать будущее? – спросила княгиня Титова напрямик.

– Иногда, – ответила Мира, не отрывая взгляда от пламени.

Отсветы его плясали в ее глазах. – Вы хотите, чтобы я вам погадала? – улыбнулась индианка.

– Ну... – княгиня Титова замаялась. – Ключнице нашей, Грушеньке, вздумалось тут, накануне, лить в воду воск. И я при этом присутствовала. Ну, словом...

– И что же привиделось вашей Грушеньке? – перебила ее Мира.

Ольга Павловна помедлила несколько секунд, прежде чем отважилась ответить на вопрос индианки.

– Ну же! – поторопила ее Мира, которой уже самой не терпелось узнать, что же такое увидела ключница в воде.

– Гроб, – наконец-то выговорила княгиня. – К чему бы это?

– вслух удивилась она. – У нас вроде, слава Богу, все здоровы, – Ольга Павловна развела руками.

– Мрачное предсказание, – нахмурилась Мира. – Вы ведь и сами знаете, княгиня, что оно означает смерть, – в тишине, которая воцарилась вокруг, последние слова прозвучали особенно громко.

Все присутствующие переглянулись между собой, я и сам почувствовал холодок, пробежавший у меня по спине.

– Дамы, – укоризненно проговорил Николай Николаевич, – довольно городить всякие глупости!

В это время хлопнула какая-то дверь, и игроки все вздрогнули. Оставалось признать, что в гостиной не оказалось ни одного человека с крепкими нервами. Ввиду своей принадлежности к масонской ложе я должен был любить смерть, ибо это была седьмая заповедь Соломона. Однако я не мог не заметить, что предсказание Миры произвело гнетущее впечатление и на князя, который так же, как и я, имел самое непосредственное отношение к братству свободных каменщиков.

В гостиную снова вошел лакей, и все взгляды обратились к нему. Он объявил, что прибыл некто Станислав Гродецкий.

Присутствующие вздохнули с облегчением, похоже, что все уже готовы были увидеть нечистого или саму костлявую старуху с косой.

В комнату вошел рафинированный молодой человек из высшего общества, одетый франтом, с высокомерным выражением холеной физиономии. У него были пронзительные ярко-голубые глаза, римский точеный профиль, белокурые волосы и тонкая линия губ, сомкнутых в тетику. Воротник его рубашки был так накрахмален, что, казалось, грозился задушить своего хозяина.

Он поклонился с изяществом денди. Князь Николай Николаевич лично представил его. Он сказал, что познакомился с ним в Петербурге на приеме у императора. Позже Титов шепнул мне на ухо, что молодой человек имел негласные полномочия польского посла. Личность нового гостя весьма заинтересовала меня, тем более что я так до этого времени и не узнал, для чего меня пригласили в это странное общество. Квартальный надзиратель Медведев и Станислав Гродецкий – высокопоставленный представитель Царства Польского, наделенного, кстати, конституцией, играют за одним зеленым столом и вместе празднуют Светлое Рождество Христова!

Станислав Гродецкий присоединился к нам за ломберным столом, неожиданно оказавшись довольно приятным собеседником и любезным в обращении человеком.

В перерыве между робберами я вышел в коридор, через несколько минут здесь же появился Медведев.

– Яков Андреевич! – воскликнул он. – Извольте объясниться!

– Что вы хотите этим сказать? – не понял я.

– Бросайте свои уловки! – замахал руками Лаврентий Филиппович. – Зачем вы здесь? И зачем меня заманили сюда?

– Что? – вновь удивился я. – Кто вас заманил?

– А то вы не знаете! – возмущенно выдохнул он. – Кутузов, конечно, Иван Сергеевич. Кольцов, неужели без вашего ведома?! – вдруг догадался он. – Да быть такого не может!

Я молча переживал свой позор и унижение.

– Да что же все-таки происходит? – вскричал Медведев и почесал пятерней в затылке.

– Я и сам хотел бы узнать ответ на этот вопрос, – проговорил я невесело. Происходящее только лишний раз доказывало, что Кутузов мне так до сих пор полностью и не доверяет. Я

решил при первой же возможности начистоту объясниться с хозяином и потребовать у него объяснений. – Что велел вам Кутузов? – спросил я Лаврентия Филипповича.

– Да ничего особенного, – развел он руками, – присматривать, да приглядывать... Он и не обмолвился, что и вы здесь тоже будете... – Медведев задумался, подыскивая подходящее слово, и, наконец, произнес: – ммм... гостем!

После этого короткого разговора мы вернулись в гостиную.

– Что-то наш главный гость запаздывает, – заметил Николай Николаевич, банкуя.

– Кого вы имеете в виду? – осведомился Иван Парфенович.

– Индийского брахмана, – ответила за мужа Ольга Павловна.

– Николай Николаевич и дня без какого-нибудь чудачества прожить не может, – с некоторым раздражением произнесла она.

– У вас золотой муж, – вступил в разговор Гродецкий. – С таким-то уж точно не соскучишься!

– Что верно, то верно, – покачала головой княгиня, седые булки вылезли у нее из-под чепца.

– Он в самом деле индеец? – спросила Мира, в глазах ее вспыхнул истинный интерес.

– Конечно, милочка, – ответил князь. – Самый что ни на есть! Говорят, что он из Калькутты... Путешествует!

В этот самый момент в гостиную вбежала белокурая девочка Настя. На ней было надето очаровательное короткое пышное платье из бледно-розового перкаля с длинными узкими рукавами, опоясанное под мышками алой лентой крест-накрест.

Из под него высывались длинные панталончики с кружевной оборкой и ноги, обутые в красные туфельки из саржи.

Следом за ней выскочил и Сашенька из-за бархатной занавески, отделявшей гостиную от детской. Светлые волосы его были взлохмачены, короткий жилет расстегнут.

– Саша! Настя! – кричала гувернантка с английским акцентом. Она ворвалась в гостиную следом за детьми.

– Тише-тише, – попросил Николай Николаевич и рассмеялся.

– Я чувствую, что пора зажигать свечи на рождественской елке!

– Пора! Пора! – подхватили детские голоса.

Мое внимание невольно привлекла к себе Мери-Энн. Она бросила такой пламенный взгляд на Гродецкого, что меня это привело даже в некоторое замешательство. Я никогда не относил себя к снобам, но... Что может быть общего между Станиславом и англичанкой – гувернанткой?! Я чувствовал, что здесь что-то не так, и мысленно распекал Кутузова за то, что он ничего мне не объяснил, и я вынужден был поэтому ощущать себя безоружным!

Тогда мне пришло в голову внимательнее присмотреться к Гродецкому, а заодно и к обаятельной гувернантке мисс Браун. Она совсем не справлялась с детьми, которые бесились в гостиной, как маленькие чертенята.

Наконец Титов пригласил всех в зал, где стояла елка, вся разукрашенная шарами, игрушками и конфетами в красивых блестящих обертках и увенчанная разноцветными лентами. Князь Николай Николаевич сам лично снял с дерева покров Изида и зажег изящные свечи.

Дети в восторге занялись полученными подарками, и только тогда гувернантке все-таки удалось их увести.

Я не переставал наблюдать за Станиславом, который никак не прореагировал на то, что мисс Браун ушла. Он вообще вел себя так, будто ее не замечал, как это и было положено рафинированному человеку из общества.

– Что-то брахман запаздывает, – заметил Лаврентий Филиппович, постучав себе по часовому циферблату. Он посмотрел в окно – метель разыгралась совсем не на шутку!

– Как бы не страшлось чего, – встревоженно проговорила княгиня, выглядывая в окно. – Вьюжит-то как! – выдохнула она.

Всем сразу поневоле вспомнилось мрачное Мирино предсказание.

– Скучно, – вздохнул Гродецкий.

– А вы ожидали циркового аттракциона? – язвительно осведомилась княгиня Титова.

– Нет, но... – Станислав поправил галстук.

– А вы позовите Грушеньку, – предложил Колганов. – Она нам и погадает... Повеселит! – Иван Парфенович хрипло рассмеялся над собственной шуткой.

Ольга Павловна изменилась в лице. Она побледнела и снова присела на оттоманку.

– А что Грушенька? – не понял поляк.

– Я что-то не то сказал? – недоуменно осведомился Колганов.

– Это все нервы! – объяснил Николай Николаевич. – Дамская болезнь!

В ту же секунду в гостиную вошел еще один незнакомец. На вид ему было около сорока лет, держался он уверенно, но что-то все-таки выдавало в нем простое происхождение. Я бы определил его как «человека из народа». Однако было заметно, что человек этот немало добился в жизни.

– Николай Николаевич, – обратился незнакомец к Титову. – Подъезды-то все к имению занесло, как бы беды какой не вышло... Гости-то какие еще ожидаются? – нахмурился он.

– Вот незадача-то! – покачал головой Титов. – Что же теперь с брахманом-то страшлось?

– Замерз где-нибудь в степи, – высказал свое предположение поляк, наделенный негласными полномочиями.

Мира передернула оголенными плечами.

– Какой ужас! – с дрожью в голосе проговорила она.

Николай Николаевич представил незнакомца:

– Сысоев Никита Дмитриевич – наш управляющий.

Через некоторое время в дверях снова появился красный лакей.

– Индийцы пожаловали, – поклонился он. – Карета у них где-то в дороге застряла, – добавил лакей. – Занесло ее, завьюжило... Так они пешком добирались!

– Ну вот и не сбылось предсказание, – облегченно вздохнул Титов, перекрестившись.

Мира пожала плечами.

– Слава Варуне! – прошептала она.

Насколько мне было известно, Варуна был воплощением безграничной силы богов. Бог – судья! Именно он карал и миловал...

– Крита – удел того, кто странствует, – чуть слышно добавила моя индианка. Я понял, что она имела в виду золотой век. Мне вспомнились строки из «Брахман» – древнеиндийских священных книг, которые дополняли «Веды» и толковали ведические ритуалы. Кто-кто, а Мира хорошо разбиралась в священных текстах!

– Что вы там такое шепчете? – поинтересовался Владислав Гродецкий. – Скажите вслух! Нам всем все это безумно интересно! – его голубые глаза пронзительно блеснули.

Мира исполнила его просьбу: «Кали-век – это век лежащего, Двапара – того, кто поднимается, Трета – в долю достается вставшему, Крита – вот удел того, кто странствует!»

– Что это? – изумилась Ольга Павловна.

– Железный век, медный, серебряный и золотой... – ответил черноглазый гость во фраке, который неожиданно вырос в дверях. Чуть позади стоял с поклажей в руках его слуга в национальном индийском костюме. У них у обоих зуб на зуб не попадал.

– Это и есть ваши индусы? – усмехнулся Гродецкий.

– Они и есть, – добродушно кивнул сединами князь Титов. – Григорий! – крикнул он лакея. – Проводи господ иностранцев в отведенные для них комнаты! А вы, господа, пере-

оденьтесь, – обратился Николай Николаевич к брахману и его спутнику, – и присоединяйтесь к нам! Мы ждем вас к ужину! Григорий!

Вели Грушеньку позвать!

– Что еще за Грушенька? – удивился поляк. Он так еще до сих пор и не узнал всей истории с гаданием.

– Ключница, – ответил Николай Николаевич.

Через несколько минут в гостиную впорхнула молоденькая еще совсем девушка в русском платье, с длинной льняной косой, которая спускалась у нее ниже пояса, с веснушчатым носом уточкой и улыбочивыми серо-голубыми глазами.

– Что прикажите, барин? – весело спросила она.

– Стол накрывай! – распорядился князь Николай Николаевич.

– На одиннадцать персон! То есть... двенадцать, – поправился князь, вспомнив о гувернантке.

– Да вы либерал! – воскликнул Гродецкий и деланно рассмеялся. Я готов был поспорить на сотню империалов, что поляк неровно дышит к хозяину, а, проще говоря, на дух его не переносит. Причины этой его неприязни мне захотелось вдруг выяснить. Я подавил в себе это подспудное желание и отправился в столовую, где должен был состояться праздничный ужин, вслед за всей нашей честной компанией, В большой мраморной зале Грушенька сама накрывала на стол, расстелив на нем льняную скатерть с камчатым узором по китайскому шелку. Ключница ловко справлялась сама и без помощи официантов. В имении князя Титова порядки были заведены по-простому, по-деревенски. Я был наслышан, что Николай Николаевич этим очень гордился.

Стол был сервирован на двенадцать кувертов, столовых приборов, предназначенных для одного человека.

– Главное – это все-таки сервировка! – изрекла Ольга Павловна, глядя на столовое серебро.

– А кто такие эти брахманы? – спросил Колганов, усаживаясь за столом возле хозяина. Он посмотрел в окно и нахмурился.

Темнело, метель мела все сильнее, и не было видно никакого просвета. Я проследил за его взглядом, мне казалось, что снег чертил на стекле изломанные кресты. Они напоминали мне розенкрейцеровские символы... Во всем виделись мне дурные знаки, и я должен был признать, что становлюсь суевернее моей индианки.

– Ну... – задумался Титов. – Это что-то вроде наших священников, объезжающих после рождественской обедни со своим причтом приход для христославства.

– Но у нашего-то брахмана только один слуга, – неожиданно заметил Кинрю.

– Это вы верно, господин японец, подметили, – поддакнул Гродецкий.

Тогда в разговор наконец-то вмешалась Мира:

– Хотар, адхварью, брахман и удгатар – это четыре главных жреца – исполнители основных ведийских жертвоприношений, – пояснила она.

– Фи, как некрасиво! – досадливо поморщилась Ольга Павловна. – Я надеюсь, что этот дикий брахман никого из нас не собирается приносить в жертву своим нелепым богам! – вскричала она. – Извини, дорогая, – с рисованным участием обратилась княгиня к моей индианке.

В столовой повисла напряженная тишина.

– Какие глупости! – перебил жену Николай Николаевич. – Довольно вздор болтать! Григорий! – окликнул он лакея. – Не пора ли зажигать канделябры?

Тогда я решил, что настала, наконец, и моя очередь поддержать беседу.

– Брахманы, – начал я, – одна из высших индийских каст, древняя варна...

Присутствующие, недоумевая, уставились в мою сторону. Я пояснил:

– Древнее жреческое сословие, отпращивающее религиозные культы!

– Ах, вот оно как, – понимающе закивала головой княгиня Титова.

– Яков Андреевич у нас человек исключительной образованности! – с иронией заметил квартальный надзиратель Медведев. Я пропустил издевку Лаврентия Филипповича мимо ушей, потому как он намекал на мою принадлежность к Ордену «Золотого скипетра»!

– У моей сестры в деревне наемный кто-то барана зарезал, – вдруг вмешалась в господский разговор ключница Грушенька. – Зарезал и бросил, – добавила она. – Словно ему мясо и ни к чему! – девушка пожала плечами. – А кого эти брахманы в жертву приносят? – поинтересовалась она.

В этот момент двери столовой раскрылись, и в мраморную залу вошла мисс Браун и индийские путешественники, переодетые к ужину.

Грушенька прикусила спелые губки и незаметно, словно легкое облачко, выскользнула из комнаты.

Мери-Энн переделалась в новое шелковое темно-зеленое платье с бархатным лифом, пышными бархатными рукавами и почти что нормальной талией. В вырезе лифа – рубашка со стоечкой из тончайшей материи яблочного оттенка в цвет ее прозрачным глазам. Изящные руки – в белых перчатках, на голове – сетчатый чепец со страусовым пером, на острых плечах – пелеринка, отделанная нежнейшим лебяжьим пухом.

– Мисс Браун, – восхищенно заметил Иван Парфенович. – Вы просто-таки очаровательны!

Взгляды всех присутствующих мужчин устремились на гувернантку, которая смущенно заулыбалась, и вокруг глаз у нее от этого вдруг появилась сеточка мелких морщин. Но «гусиные лапки» ее не портили, а, напротив, лишь придавали шарма... Один только Станислав Гродецкий демонстративно не смотрел в ее сторону. Такое поведение поляка снова почему-то показалось мне подозрительным.

– Дети уже спят? – холодно осведомилась княгиня Ольга Павловна. Ей совсем не понравилась идея мужа, чтобы гувернантка сидела с ней за одним столом.

– Спят, – коротко ответила неожиданно похорошевшая англичанка.

– Брахман Мадхава и ученик-брахмачарин Агастья! – торжественно представил индийских путешественников Титов.

Княгиня замучила вновь прибывших гостей расспросами.

– Ольга Павловна! – обратился к ней князь. – Вы утомили наших гостей! Да и меня, надо признаться, – тоже! Поэтому я, пожалуй, отправлюсь спать!

Николай Николаевич извинился перед присутствующими и вышел из комнаты. Я устремился за князем, чтобы наконец-то переговорить с ним наедине о деле. Эти недомолвки порядком раздражали меня.

– Николай Николаевич! – окликнул я его в коридоре. – Князь!

– Яков Андреевич? – отозвался он удивленно. – Что-то случилось?

– Я хотел бы у вас узнать ответ на этот вопрос, – признался я. – Нам необходимо немедленно с вами переговорить!

– Я очень устал, – ответил Титов, зевая. – Давайте отложим наши дела до завтра, – добавил Николай Николаевич тоном, не допускающим возражений.

Мне пришлось отступить, потому как Титов был посвящен в одну из высших орденских степеней, а я свято чтил вторую Соломонову добродетель, которая заключалась в повиновении высшим чинам.

Тогда и я тоже отправился спать в отведенные мне в усадьбе покои. Мне и в голову не могло прийти, что я вижу Титова в последний раз.

Не успел я зажечь свечу в закапанном воском медном шандале, как услышал подозрительный шорох у себя за спиной. Какое-то мгновение я ощущал, как мороз пробежал у меня

по коже. Я медленно обернулся на тихий звук, который шел прямо от дверей, и столкнулся лоб в лоб со своим ангелом-хранителем, который окрестил себя Золотым драконом.

– Кинрю? – удивился я.

– Не ждали, Яков Андреевич? – усмехнулся японец.

– Не ждал, – признался я. – Неужели тебе наскучило общество гостей Николая Николаевича?

– Честно говоря, да, – ответил Кинрю. – Но дело не только в этом, – добавил он.

– А в чем же? – искренне любопытствовал я.

– Разве вы не видите, – удивился Кинрю, – что происходит что-то довольно странное? – он уставился на меня с заговорщическим видом. – Мне кажется, – продолжил японец, – что вскоре в имении обязательно должно будет произойти убийство...

– Почему именно убийство? – осведомился я. – Должен признать, что мне тоже многие вещи кажутся странными. Но...

– Я не доверяю этим индусам, – сказал японец.

– Но почему? – изумился я. – Мире ты тоже не доверяешь?

– Конечно, нет! – запальчиво возразил Кинрю. – Мира – это случай особый! А здесь явно речь идет о человеческих жертвоприношениях! – воскликнул он. – Не зря же наш благодетель, – японец имел в виду Ивана Сергеевича Кутузова, – отправил вас, Яков Андреевич, встречать Рождество именно сюда, да еще заодно и Медведева сюда же пригнал вам на помощь, если вдруг вы один-то не справитесь!

– Складно ты рассуждаешь, – сказал я с улыбкой. – Но тебе неизвестно, что князь Николай Николаевич тоже масон, и если уж Кутузов и отправил меня сюда неслучайно, то по делам явно не связанным с индийскими ведическими ритуальными человеческими жертвоприношениями! – проговорил я уверенно, хотя сам такой уверенности и не ощущал. Все мои чувства обострились с этого вечера, потому-то мне и казалось, что в этот дом вместе с метелью надвигается большая беда! – Я завтра же выясню у Титова, что происходит!

– И все-таки, Яков Андреевич, – вновь предостерег меня мой ангел-хранитель, – я бы на вашем месте этому брахману не доверял...

Я лег спать с тяжелым предчувствием, которое ни на секунду не оставляло меня и даже отравило мне сон. Мне привиделась Мира, там, далеко, у себя на родине, откуда я и привез ее в северную столицу России. Она одиноко стояла в заснеженных джунглях у ритуального костра. На ней развевалось янтарное сари, в котором она показалась мне почему-то ужасно маленькой и жалкой...

Мира пела какой-то ведический гимн и раскачивалась в такт словам, слетающим с ее уст.

Я стал прислушиваться и мысленно переводить ее песнь с санскрита: "На убиенье отправился быстрый конь, Погруженный в думу, – мысль к богам обернулась.

Козла ведут впереди его – сородича.

За ним идут певцы, идут поэты.

Виталища высшего он достиг, Конь. Там отец его и мать.

Так пусть он нынче уходит к богам, он, самый приятный им, И испросит даров, желанных жертвователю..."

Я очнулся с тяжелым сердцем. За окнами все еще было темно, а вифлиемской звезды так и не было видно!

«Да что же такое все-таки происходит?!» – мысленно изумился я. И мой сон мне совсем не понравился. Я вспомнил, что Мира однажды читала мне этот гимн. Но к чему он всплыл в моем подсознании именно сейчас?

Я успокоил себя тем, что сновидение было навеяно мне предшествующим разговором с Юкио Хацуми. Я должен был признать, что эти индийские брахманы и впрямь взбудоражили всем кровь. Я решил расспросить Миру подробнее о ведических ритуалах, известных ей, и в

частности – о жертвоприношениях... Утвердившись в своем намерении я закрыл глаза, снова собираясь уснуть. Но выпастись в эту ночь, как видно, мне было не судьба!

Не успел я слегка задремать, как меня разбудил стук в дверь.

Японец накинул себе на плечи цветной халат и бросился открывать. На пороге стоял, собственной персоной, Медведев Лаврентий Филиппович и моргал своими длинными рыжими ресницами.

– В чем дело? – спросил Кинрю. Ему совсем не понравилось это ночное вторжение. Он смотрел на квартального надзирателя узкими заспанными глазами из-под припухших век.

– Князь исчез, – ответил Медведев, переступая порог. – Мне срочно нужен Кольцов, – добавил он.

Мой Золотой дракон отступил в сторону и нехотя пропустил его в спальню.

– Как исчез? – изумился я спросонья.

– Не знаю, – раздраженно развел руками Лаврентий Филиппович. – Исчез и все тут! Меня Ольга Павловна разбудила. Княгиня в истерике, – добавил он, возведя глаза к потолку. – Дурные предчувствия у нее! С ума они тут все посходили, что ли?! – воскликнул квартальный надзиратель.

– Где Мира? – вдруг вспомнил я о своей прорицательнице.

– В спальне своей должна быть, – ответил разволнованный Кинрю. – Я же говорил вам, Яков Андреевич! – проговорил он с видом дельфийского оракула.

– По-моему, речь пока не идет о каком бы то ни было жертвоприношении! – коротко бросил я.

– Что? Что? – расхохотался Медведев. – И вы туда же!

Княгиня Титова только об этом и причитает! И ключница тоже ей подпевает. Эта... Как ее? – Лаврентий Филиппович задумался. – Грушенька! – обрадованно вспомнил он.

Я наскоро оделся и первым делом бросился в Мирину спальню. Я должна был с удивлением признаться себе, что для меня она несколько больше, чем протеже. На несколько мгновений я задумался над этой мыслью, которая ошеломила меня, но быстро забыл об этом. Мне никогда раньше и в голову не приходило, что я мог бы ответить индианке взаимностью, тем более что я с ранних лет пользовался огромным успехом у женщин, но меня привлекали вещи куда более интересные, чем любовные стрелы Амура.

Я постучал в тяжелую деревянную дверь, которая была заперта.

Через несколько мгновений за дверью стали раздаваться шаги, затем знакомый нежный голос спросил:

– Кто там?

– Кольцов, – сейчас же ответил я, невольно вспомнив о том, как Мира пела за клавирами розового дерева в нашем столичном особняке.

– Войдите, – позволила индианка, отпирая задвижку. В руках Мира держала тяжелый бронзовый канделябр, в котором мерцали две восковые свечи. – Яков Андреевич? – удивилась она. – В такой-то час? – ресницы на ее черных глазах томно подрагивали. Я в очередной раз подумал о том, что эта женщина смогла бы составить счастье благородного и достойного человека, но... Да, род моих занятий не позволял мне надеяться на семейный оплот даже в самом далеком будущем!

На Мире был надет нежно-розовый дымковый пеньюар с блондами из французского кружева. От него исходил чувственный аромат восточных пряных духов.

– С тобой все в порядке, моя дорогая? – проговорил я первое, что пришло мне в голову.

– Что-то случилось? – догадалась она. – Я так и знала!

– В этом доме даром предвидения наделены, ну, абсолютно все! – съязвил Медведев, дальний родственник княгини Ольги Павловны.

– А родство-то чувствуется, – прошептал у меня за спиной Кинрю.

– Лаврентий Филиппович? – Мира была изумлена не меньше моего, она только сейчас заметила квартального надзирателя, который стоял в тени, позади моего Золотого дракона. – Вы-то что здесь забыли? – осведомилась она.

– Сопровождаю Якова Андреевича, – ответил он, – как особо важного государственного человека!

– Яков Андреевич, да объясните же мне, наконец, что же все-таки произошло! – взволновалась взволнованная индианка.

– Исчез князь Николай Николаевич, – мрачно ответил я.

– Как это исчез? – переспросила Мира.

– Вышел из спальни воды попить, – ответил Лаврентий Филиппович, – и исчез, – развел он своими здоровенными, лопатообразными ручищами.

– Идемте в гостиную, – сказал Кинрю.

– Идемте, – ухватился за эту идею Лаврентий Филиппович. – Я всех уже предупредил, – добавил он. – Полагаю, что гости уже собрались!

– А вы, господин Медведев, времени даром не теряете, – заметила Мира. – Позвольте же мне, хотя бы переодеться! – сказала она и скрылась за дверью, отведенной ей комнаты.

– И что же, по вашему мнению, случилось с хозяином? – осведомился я у Медведева.

– А это, я думаю, покажет следствие, – ответил Лаврентий Филиппович.

– Ну что же, – промолвил я, – будем надеяться!

В гостиной и в самом деле уже собрались практически все. Не было только княжеских внуков. Камин снова разожгли, Грушенька возле него пыталась привести в чувство княгиню, которая уже объявила себя вдовой.

– На кого же ты меня покинул? – в голос кричала она.

Грушенька отпаивала ее теплой сладкой водой из графина.

– И все из-за какого-то воскового гроба, – пожал плечами Иван Парфенович Колганов, – который привиделся ключнице.

– Какого еще гроба? – удивился Станислав Гродецкий, который, несмотря на позднее время, выглядел просто безукоризненно.

– Ох, уж эти гадания! – покачал головой Колганов. – Не доводят они до добра! – воскликнул он.

Все косились в сторону приезжих индийцев, которые чувствовали себя в этом обществе двумя отверженными. Словно они были прокаженными или неприкасаемыми... Особенно их сторонилась чувствительная и впечатлительная Грушенька, которая накануне рассказывала про зарезанного в деревне барана.

Гувернантка прижимала к глазам платочек, расшитый английскими вензелями.

Когда в гостиную вошла моя Мира, реакция присутствующих была однозначной. Ее тоже восприняли как парию.

– Господа, – произнес я как можно спокойнее. – Я предлагаю отправиться на поиски князя!

В этот момент в комнату вихрем ворвался хозяйский кучер.

– Николай Николаевич! – выдохнул он и перекрестился, выпучив полные ужаса глаза, которые были у него и без того навывкате.

– Что с ним? – ахнула Ольга Павловна. Нос от рыданий у нее распух и покраснел, голубоватые веки также припухли.

– Он... – кучер обвел гостиную отсутствующим взглядом, словно увидел призрака. – Он мертв! – наконец-то выдал он.

– Что? Что? – послышались изумленные возгласы. – По комнате прокатилась волна настоящего ужаса.

– Не зря мне гроб-то привиделся – простонала суеверная Грушенька, княгиня же упала без чувств.

Англичанка прикрыла лицо ладонями.

– Боится, наверное, что теперь ей от места откажут, – прошептал мне на ухо Кинрю.

– Я тебя не узнаю, – сказал я ему в ответ. – Откуда в тебе столько желчи?

Японец пожал плечами и заключил:

– Не нравится она мне!

– Господа! Господа! Тише! – призвал всех к спокойствию Лаврентий Филиппович. – У страха глаза велики! Показания кучера надобно еще и проверить!

– Вот именно! – поддакнул я и вызвался первым идти вместе с ним осматривать тело. Лаврентий Филиппович Медведев действовал на правах полицейского, о моем же предназначении в этом доме почти что никто не знал!

Кучер взирал на индусов с искренним ужасом. Мне захотелось узнать, в чем же кроется причина подобного страха. Я подошел к нему и спросил, в чем же дело.

– Демоны это! – ответил он, но больше ничего не сказал.

На конюшню кучера сопровождал управляющий Никита Дмитриевич Сысоев, квартальный надзиратель Лаврентий Филиппович Медведев и, разумеется, ваш покорный слуга со своим ангелом-хранителем по имени Золотой дракон.

Метель просто валила с ног, ветер завывал так, что в ушах звенело, мороз обжигал щеки, снег залеплял глаза.

– Ничего себе Рождество! – процедил Сысоев, выкарабкиваясь из сугроба, в котором по самые голенища застряли его сапоги.

– Да уж, – поддакнул квартальный надзиратель, пытаясь идти за ним след в след.

У конюшни кучер как-то нерешительно остановился.

– Да поторапливайся же ты! – прикрикнул на него Никита Дмитриевич. – А то нас тут всех заметет!

– Страшно мне, барин, – ответил кучер. – Темное это дело!

Лихое! – добавил он.

– Иди уже! – велел ему управляющий.

Первое, что я увидел, повергло меня поистине в шок. На полу в луже крови лежал конь с отрезанной головой. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Мне пришлось признать, что мой сон под Рождество оказался в руку. Как там читала Мира?

"На убиенье отправился быстрый конь, – вспомнилось мне, —

... Так пусть он нынче уходит к богам, он, самый приятный им, и испросит даров, желанных жертвователю!"

Так что же это за жертвователь? И каких даров он испросил?

Вопросы один за другим рождались у меня в голове.

– Яков Андреевич! Да что же это? – прошептал ошеломленный Кинрю.

– Не знаю, – чистосердечно ответил я. – Какой-то кошмарный сон!

– А Титов-то где? – спросил Лаврентий Филиппович, который, пожалуй, единственный из нас не потерял самообладания. – Я и не такое видел, – заметил он.

– Вон! – кучер ткнул пальцем куда-то вдаль, обошел стороной обезглавленного коня и ушел вглубь конюшни. Мы все последовали за ним. Следующее зрелище, представшее перед нами, тоже было не из приятных.

Бездыханное тело князя Николая Николаевича Титова, служившего в Коллегии Иностранных дел, близкого Его Императорскому Высочеству, дружившего с князем Голицыным и графом Румянцевым, было привязано веревкой к деревянному гнилому столбу. Хозяин имения был раздет почти догола. Горло у него было перерезано, поэтому кругом было много крови. Еще я заметил, что на пальце у него не оказалось чугунного перстня с адамовой головой, с

которым Николай Николаевич как масон практически никогда не расставался. Это меня смутило и навело на мысль, что убийство как-то связано с его масонской деятельностью.

– Так-так-так, – пробормотал Лаврентий Филиппович.

– Ужас-то какой! – воскликнул Никита Дмитриевич. – Это что же за изверги-то? А? – он как-то беспомощно взирал по сторонам. Лицо его, красное от мороза, сразу сникло и побледнело.

– Ну, нехристи! – простонал кучер. – И конягу не пожалели! – добавил он.

– Я же говорю, что это – индусы! – настаивал на своем японец.

– По-моему, выводы делать еще рано! – сердито ответил я.

Мне начинало уже казаться, что дело в усадьбе кончится самосудом. К тому же я начал опасаться за Миру, которую тоже могли счесть причастной к этой истории. И потом мне совсем не верилось, что это дело рук индийского брахмана и его ученика-брахмачарина, который выполнял обязанности слуги. Неужели индусам надо было обязательно пуститься в такую даль, чтобы именно в имении Николая Николаевича Титова совершить свое ритуальное жертвоприношение?!

Однако никто, по-моему, из всей компании так не думал.

Скорее все придерживались мнения моего Кинрю.

Вокруг столба с телом покойного масона видны были следы костра, что тоже наводило на мысли о ведическом действе.

Такие обряды обычно проводились в сумерках, при свете костров на специально подготовленных алтарях. Жертву привязывали к столбу, читали над ней заклинания и зажигали вокруг священный огонь...

Перед столбом лежала статуэтка Индры – верховного индийского божества, который на родине моей Миры считался раджей богов.

– Золото! – воскликнул Медведев и подобрал статуэтку с пола. – Определенно ее оставили здесь индусы! – добавил он.

– Интересно зачем? – усомнился я.

– Ну, Яков Андреевич, – разочарованно протянул Лаврентий Филиппович, – вечно вы со своим скепсисом! Забыли, наверное, – высказал он вслух первое предположение, которое пришло ему в голову. – Торопились!

– Куда? – поинтересовался я.

– Ну... – пожал он плечами, – уйти с места преступления.

Я покачал головой, всем видом показывая, что эта версия меня совершенно не устраивает.

– В деревне недавно быка забили... – промолвил кучер.

– И что же здесь необыкновенного? – перебил его Никита Дмитриевич. Он не мог оторвать взгляд от столба с телом князя Титова.

– Неизвестно кто, – ответил кучер, – а вокруг такие же вот следы, – он указ пальцем на пепелище.

В сердце у меня закралось сомнение: «Неужели и правда?!»

– И это не первый случай, – продолжал рассказывать кучер, озираясь по сторонам.

– В самом деле? – спросил я встревоженно.

– Да, – подтвердил мужик. – У свата моего козла зарезали и выбросили на дорогу, – добавил он.

«Козла ведут впереди его – сородича!» – внезапно вспомнилось мне.

– И все-таки что-то здесь не так! – проговорил я вполголоса.

– Что будем делать с телом? – спросил Сысоев.

– В дом надо отнести, – ответил Лаврентий Филиппович, – не здесь же оставлять, – развел он руками.

– Да уж, – согласился Никита Дмитриевич. – Вы, наверное, идите в дом, – обратился он ко мне, – и предупредите гостей... А мы тут вдвоем управимся, – Сысоев перевел взгляд на тело хозяина и тяжело вздохнул. – Мерзкое, я должен сказать, это дело, – понуро добавил он.

Я вышел на улицу, мощный порыв ветра со снегом ударил мне в лицо. Матушка-зима разыгралась не на шутку! Мне предстояло очень неприятное дело, я должен был сообщить княгине Ольге Павловне, что она этой ночью сделалась вдовой, да еще при крайне ужасных обстоятельствах.

До центральной усадьбы я добирался около получаса. И за это время смертельно замерз и устал.

В гостиной меня обступили со всех сторон. Лица у гостей и хозяйки были встревоженные.

– Ну что? Как? – слышалось со всех сторон.

– Позвольте принести вам свои соболезнования, – печально обратился я к Ольге Павловне. – Князь...

Не успел я произнести эту фразу до конца, как княгиня упала в обморок. К ней сразу бросились англичанка и Грушенька.

– Что случилось? – спросила Мира, не отводя от меня взволнованных черных глаз.

– Николай Николаевич убит! – ответил я.

II

– Как это произошло? – с дрожью в голосе спросила Мира. Ее черные глаза превратились в два огромных, пугающих омута; волосы цвета воронова крыла рассыпались по плечам. Она шагнула мне навстречу, не скрывая терзающего ее волнения.

– Как? Почему? – на ломаном русском спросил брахман. Его ученик-брахмачарин Агастья выглядывал у него из-за спины.

Оба чувствовали, что над их головами нависла какая-то опасность.

– Ничего себе Рождество! – воскликнул поляк Гродецкий.

Я заметил, что Мери-Энн подняла глаза, как только Станислав это сказал. Как ни абсурдно это выглядело, но мне почему-то навязчиво казалось, что этих двоих что-то обязательно связывает. Но что именно, я пока точно определить не мог.

– Это очень неприятная история, – пришлось мне ответить.

– Похоже на какое-то жертвоприношение... – нехотя выговорил я. У меня не было особого желания говорить об этом, но я прекрасно понимал, что рано или поздно все так или иначе проводят обо всем, в том числе и о леденящих душу подробностях.

– Жертвоприношение?! – княгиня наконец отошла от обморока.

– О чем вы говорите, Яков Андреевич? – восклицала она. – Я брежу? – Ольга Павловна часто-часто заморгала своими заплаканными глазами. – Я не верю своим ушам! – запричитала она. – Я же говорила Николаю Николаевичу, – как только княгиня Титова произнесла имя мужа, то сразу же вновь залилась слезами, – чтобы он не приглашал этих варваров в дом! – Ольга Павловна указала своим пухлым пальцем на Мадхаву с Агастьей, которые съежились под ее обличающим взглядом.

Взоры гостей сразу обратились в их сторону.

– Надо вызвать полицию! – передернул плечами Гродецкий.

– Что же будет с детьми? – ужаснулась мисс Браун. – Здесь опасно оставаться! – просто-на-нала она.

– Но мы здесь ни при чем! – ткнул себя в грудь Мадхава. – Почему вы так на нас смотрите?

– Убийцы! – воскликнула Ольга Павловна.

– Господа, – обратился я к присутствующим, – я попросил бы вас сохранять спокойствие! – обратился я ко всем присутствующим.

– А кто вас на это уполномочил? – усмехнулся Гродецкий.

– Но, господа, – я развел руками. – Не лучше ли все-таки сохранять трезвую голову и здравый рассудок?

– Но если эти варвары причастны к убийству... – угрожающе проговорил Иван Парфенович.

– Я думаю, нам в этом еще предстоит разобраться, – ответил я.

– А я думаю, – высокомерно вмешался Гродецкий, – нам следует вызвать полицию!

– Вполне с вами согласен, – ответил я. – Как только метель утихнет...

Станислав взглянул в окно. Метель вовсе не собиралась стихать, а только усиливалась. Влажные хлопья снега облепили стекло.

– I am so afraiding! – всхлипывая, сказала англичанка.

– Господи! – всплеснула руками Грушенька. – А убийца-то среди нас!

В гостиную вошли запыхавшийся Никита Дмитриевич Сысоев и вспотевший Лаврентий Филиппович Медведев. На обоих лица не было. У квартального шея побагровела от натуги.

– Где мой муж? – воскликнула Ольга Павловна.

– Внизу, – ответил Никита Дмитриевич, – в одной из комнат, которая тоже была предназначена для гостей. Я отдал распоряжение, чтобы его тело начали приводить в порядок, – добавил он. – И послал в нашу часовню за священником.

Примите мои соболезнования, княгиня, – скорбно склонился управляющий.

– Я иду к нему, – воскликнула Ольга Павловна и направилась к выходу, путаясь в своем чайного цвета салопе, длинной широкой накидке на вате с прорезями для рук. Грушенька бережно поддерживала барыню под руку.

– Я немедленно уезжаю отсюда, – холодно заявил Гродецкий.

– Ну уж нет, – Лаврентий Филиппович поднял вверх указательный палец и отечески им погрозил. – Я представляю здесь на данный момент органы сыска, и никто не уедет отсюда до прибытия полицейских или пока мною не будет схвачен убийца! Или убийцы... – он покосился в сторону окаменевших индусов.

– Да и выезды из имения все снегом занесло, – сказал Сысоев.

– Так, значит, мы в западне! – воскликнула англичанка.

– Получается так, – согласился Никита Дмитриевич.

– И до каких же пор? – осведомился Иван Парфенович Колганов.

– Ну, – пожал плечами управляющий, – полагаю, что как только метель закончится, через несколько дней дороги будут расчищены.

– А это уже радует, – с иронией заметил поляк.

– Что ж, господа, – проговорил Медведев, потирая вспотевшие руки, – пока вы свободны. До моего особого распоряжения, – добавил он.

Тогда гости медленно и понуро стали разбредаться по своим комнатам.

– Лаврентий Филиппович! – позвал я Медведева. – Не соблаговолите ли вы отдать мне индийского божка, хотя бы во временное пользование?

– Это еще зачем? – насупился квартирный.

– Я хотел бы показать его Мире, – ответил я, – так как она разбирается в индийской религии гораздо лучше нас с вами!

– Ну-ну, – пробормотал Лаврентий Филиппович, – я бы не сказал, чтобы это сейчас пошло ей на пользу!

– Что вы имеете в виду? – насторожился я, догадываясь к чему он клонит.

– А то, – грозно ответил Лаврентий Филиппович, – что ваша индианка тоже может быть в этом замешана.

– Я полагаю, вы это не всерьез? – поинтересовался я.

– Не знаю, не знаю, – развел руками Медведев. Однако он все же передал мне золотую статуэтку Индры!

Я постучался в комнату Миры.

– Войдите! – позволила мне она.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказал я, едва переступив через порог.

Спальня индианки вся была обставлена мелкой мебелью: шифоньерками, шкафчиками, столиками... За ширмами, обитыми китайским изумрудно-зеленым шелком с разводами, белели покрывала пуховой кровати.

В комнате терпко пахло какими-то травами и цветами.

– О чем? – спросила Мира, убирая со столика орехового дерева свой погребец – миниатюрный дорожный сундучок.

Она поправила прическу, заглянув в венецианское зеркало. Я невольно залюбовался ею и поэтому сразу не заметил Кинрю, который сидел, утопая в глубоком сафьяновом кресле.

– Юкио! Ты тоже здесь? – удивился я.

– Разумеется, – ответил японец. – Разве вы не понимаете, Яков Андреевич, что Мире теперь угрожает опасность? – осведомился он.

- Ну... – замялся я, – мне бы не хотелось утверждать так категорично.
- Яков Андреевич, – обратилась Мира ко мне, – не надо меня щадить! Я прекрасно понимаю, что и на меня теперь падают подозрения! Но вы бы не могли рассказать, что же там все-таки произошло?!
- Я вздохнул:
- За этим-то я и пришел! – и достал из-за спины индийскую статуэтку.
- Что это?! – всплеснула руками Мира.
- Я думал, тебе это известно, – ответил я.
- Нет-нет, – замахала руками Мира, – я знаю, что это Индра – один из верховных богов нашего пантеона! Но откуда эта статуэтка взялась у вас?!
- Я обнаружил ее на месте преступления, – ответил я.
- Неужели? – индианка в ужасе прижала ладонь к губам. – Так, значит, убийство князя в самом деле имеет отношение к какому-то ведическому ритуалу?
- Это возможно? – спросил я Миру.
- Не знаю, – пожала плечами моя протеже. – Человеческие жертвоприношения ушли в глубокое прошлое, – сказала она.
- Но как это было? – полюбопытствовал я.
- Вы и впрямь желаете это знать? – засомневалась индианка.
- Да еще как! – признался я.
- Но я вам, Яков Андреевич, кое что уже рассказывала об этом, – произнесла Мира загадочно.
- Я бы хотел узнать об этом подробнее, – продолжал я настаивать.
- Ну что же, – Мира наконец-то сдалась. – Раньше люди верили в то, что пролитие крови необходимо для продления жизни, – начала она свой рассказ. – Жертвоприношение должно было умиловить божество и упрочить его могущество, в тоже время оно противодействовало силам разрушения и увеличивало жизнеспособность человека, принимающего участие в обряде...
- А ты бы не могла конкретнее рассказать мне о последовательности заклания жертв? – попросил я мою индианку.
- Яков Андреевич, а с каких это пор вы стали так кровожадны? – сострил Кинрю.
- С тех самых, как ты стал злоупотреблять сарказмом, – ответил я ему в тон.
- Пожалуйста, – согласилась Мира. – Обычно дело ограничивалось пятью жертвами, – сказала она.
- Какими именно? – осведомился я.
- Бараном, козлом, быком, конем, ну и... – индианка замялась, – человеком, – наконец, выговорила она.
- Это ужасно, – произнес я в ответ, усаживаясь на маленький диванчик.
- Что? – спросила Мира.
- Вы слышали, что говорила Грушенька? – поинтересовался я.
- О чем? – осведомилась индианка. – Она много что говорила.
- О баране, – напомнил я.
- Да, припоминаю, – произнесла Мира задумчиво.
- Кучер сказал мне, – продолжил я, – что точно так же совсем недавно в их деревне неизвестные забили быка и козла.
- Но это еще ни о чем не говорит! – горячилась индианка.
- Возле трупов животных были обнаружены следы кострищ.
- Но...
- А в конюшне мы нашли зарезанного коня, неподалеку от столба, к которому было привязано тело князя Николая Николаевича, – перебил я ее.

– Какой кошмар! – вскричала Мира. – Но этого не может быть!

– Все сходится, – подвел черту обычно молчаливый японец.

– Я боюсь, – ответил я, – что кто-то просто хочет свалить вину на брахманов!

– Но кто? – воскликнула Мира. – Мне это дело кажется слишком запутанным! – добавила она, глядя мне прямо в глаза. – Ведь вы здесь неслучайно! – высказала индианка свое предположение вслух. – Могу поспорить, – промолвила она, – что к этому всему приложил свою руку Иван Сергеевич!

– Да, – подтвердил я устало, – Кутузов и в самом деле в курсе событий, – добавил я. – Но мастер не сказал мне ничего определенного, – развел я руками. – И пригласил меня погостить в это имение, – подчеркнул я, – именно Николай Николаевич Титов.

– Вы видели, Яков Андреевич, какими глазами смотрела на меня его вдова Ольга Павловна? – Мира сглотнула ком в горле. – По-моему, она уже приговорила меня!

– Я выступлю твоим защитником! – поспешил я ее успокоить.

– Пока я жив, – напыщенно произнес мой Золотой дракон, – никто не станет трогать тебя!

– Спасибо, – улыбнулась индианка с особенной нежностью.

Я вернулся к себе в комнату, чтобы обдумать в спокойной обстановке все, что случилось. К тому же я должен был решить с какого конца взяться за это дело.

На маленьком прикроватном столике лежала раскрытая книга немца Эккартсгаузена «Ключ к таинствам натуры», которую я накануне собрался изучить. Однако продолжить мое самообразование мне помешало убийство на княжеской конюшне.

И надо же убийце или убийцам было выбрать такое время, как рождественскую ночь!

Я все больше склонялся к мысли, что убийца был не один. По моему мнению чересчур сложно было организовать ведическое жертвоприношение в одиночестве.

Я спрятал книгу и извлек из дорожного рундука свой дневник.

Чернильница и перо уже ждали меня на круглом письменном столике. Не успел я раскрыть тетрадь в бархатной лиловой обложке, как раздался стук в мою дверь.

Странно, – подумал я, – кого это принесла нелегкая?

Однако я тут же убрал тетрадь и крикнул:

– Войдите!

Дверь скрипнула, и на пороге возник Никита Дмитриевич Сысоев.

– Яков Андреевич, – обратился он ко мне, – мне хотелось бы с вами поговорить.

– Что же, – развел я руками, – я к вашим услугам.

Сысоев прошел вглубь комнаты и присел на стуле, на который я ему указал.

– Итак, – начал я, – что вы имеете мне сообщить?

Управляющий задумался, словно бы собираясь с мыслями.

Сначала он взглянул на меня, потом отвел глаза, но через несколько мгновений все же решился и заговорил:

– Мне стало известно от покойного Николая Николаевича, что вы состоите в некоем масонском ордене, – Никита Дмитриевич испытующе посмотрел на меня.

– И что же? – не стал я отказываться. Однако меня удивило, что князь посвящал своего управляющего в такие подробности.

Хотя, – я одернул себя, – Мира с Кинрю тоже почти что всегда были в курсе всех моих дел!

– Мне известно также, что вы занимаетесь расследованием преступлений, – вкрадчиво продолжил Сысоев.

– Так, значит, – заключил я, – Николай Николаевич не напрасно вызвал меня сюда?!

– Я не знаю, – замялся Никита Дмитриевич. – По-моему, он о чем-то догадывался и чего-то боялся, – продолжил он. – Чего именно я не знаю, но... – Сысоев пожал плечами. – Он собирался мне рассказать, – добавил он, – но так и не успел!

– Я признателен вам, – поблагодарил я Никиту Дмитриевича, – что вы мне сказали об этом.

– Ну что вы, – отмахнулся он. – Это был мой долг, по отношению к покойному. Но я хотел вас спросить...

– О чем же? – поинтересовался я.

– Что вы собираетесь делать?

– Разумеется, заняться расследованием этого дела, – ответил я.

– Понимаю, – сказал Сысоев. – И гарантирую вам всяческую поддержку со своей стороны!

Утром все собрались в столовой за завтраком. Вид у гостей был несчастный и заспанный. Один только Станислав Гродецкий держался по-прежнему щеголем! Во время еды все сохраняли гробовое молчание, словно отдавая дань почившему князю.

К завтраку подали соте с мадерой – тонкие ломтики говядины, обжаренные в масле. Слышно было только, как позвякивало столовое серебро.

Княгиня к завтраку опоздала, к гостям она вышла в глубоком трауре с окаменевшем лицом, почти не поднимая заплаканных, карих глаз.

– Со мною приключилось еще одно несчастье, – печально промолвила она, – рождественский подарок мужа украли...

– Что? Что? – Лаврентий Филиппович встал в стойку, словно борзая. – Какой такой подарок? – осведомился он. Его маленькие голубоватые глазки хитро забегали.

– Жемчужина, – проговорила княгиня. – Николай Николаевич преподнес мне жемчужину к Рождеству, – всхлипнула она.

– Какую жемчужину? – поинтересовался в свою очередь я, отрываясь от своего соте, которое и впрямь оказалось на вкус изумительным.

– Князь сказал мне, – Ольга Павловна утерла припухшие глаза батистовым платком, – что привез ее из Индии около года назад.

Я едва не поперхнулся мадерой. Упоминание Индии уже начинало меня раздражать.

– Ну-ка, расскажите подробнее, – попросил Медведев хозяйку.

– Я не знаю, что рассказывать! – рассердилась она. – Большая жемчужина, белая, – пожала плечами княгиня Титова.

– Ее украли вместе с коробочкой, – заплакала она.

– Как выглядела эта коробочка? – спросил ее Медведев.

– Коробочка как коробочка, – ответила Ольга Павловна, продолговатое лицо ее приняло задумчивое выражение. – Черная, бархатная, – добавила она.

Я заметил, что Мира нахмурилась, и решил дознаться сразу же после завтрака, что встревожило мою индианку.

– Определенно все это очень странно, – проговорила англичанка, отпивая глоток мадеры. Она сообщила княгине, что дети позавтракали под присмотром Грушеньки. Мери-Энн вытерла губы салфеткой и вышла из-за стола. Она извинилась перед гостями и сказала, что ей надо идти к Саше и Насте.

Удерживать гувернантку никто не стал.

– Вы опрашивали горничных? – спросил Медведев. – В конце-концов, ведь кто-то и из них мог под шумок... – заметил он многозначительно.

– Не до того мне, – ответила опечаленная княгиня. – Не до того, – приглушенным эхом повторила она.

– Тогда велите сейчас же созвать всю прислугу! – потребовал он.

– Я опрашивал горничных, – раздался голос Сысоева. – Но так ничего и не выяснил, – добавил он. – Ни одна из них не могла этим утром находиться в спальне княгини в ее отсутствие. К тому же сегодня спальню никто и не убирал.

А к Ольге Павловне намерении только Грушенька и заходила...

– Чудес, как известно, не бывает, – заметил Лаврентий Филиппович.

– Рождество, как никак! – усмехнулся Гродецкий.

Княгиня Титова первой вышла из-за стола. Она покинула мраморную залу в мертвенной тишине.

Тогда я отправился вслед за ней, так как Мира все еще продолжала завтракать, и я счел, что успею расспросить ее после разговора с Ольгой Павловной.

Лакей рассказал мне, как пройти в ее комнату, которая располагалась на втором этаже. Я прошел через анфилады комнат, миновав княжескую оранжерею, и свернул в коридор, заставленный рядами мраморных статуй в нишах. Наконец, я постучал в дверь, которая, как я полагал, и была будуаром княгини.

– Кто там? – спросил уже известный мне женский голос.

– Кольцов, – выкрикнул я в ответ.

– Сейчас, Яков Андреевич, – отозвалась она. – Подождите секундочку!

Минуты через две княгиня Ольга Павловна позволила мне войти к ней в покои.

– Что вы хотели? – спросила она, укладывая ноги на маленькую подушечку на табурете. – Я так устала сегодня, – печально произнесла вдова.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, – ответил я, чувствуя, что становлюсь навязчивым. Но у меня не оставалось иного выхода, должен же был я как-то выяснить, что происходит в имении на самом деле.

– Спрашивайте, – позволила она, пожимая плечами. Княгиня никак не могла понять причины моего интереса. Я же не мог объяснить ей, что любопытство мое совсем несправедливо.

Я сел в кресло, лицом к вдове, напротив образов, перед которыми горели две маленькие лампадки.

– У вашего мужа были враги? – прервал я недолгое молчание.

– Какие еще враги? – седые брови княгини сдвинулись к переносице. – Он же не на войне, – глубокомысленно заключила она, утирая глаза скомканным, мокрым насквозь платочком. – Николай Николаевич такой доброй души человек был, – всхлипывала она.

– И все-таки, – продолжал настаивать я, – возможно, чтобы у вашего мужа были недоброжелатели? – я чувствовал, что княгиня борется с желанием выставить меня за дверь своей комнаты и сдерживается только из вежливости.

– Не знаю, – Ольга Павловна пожала плечами, чинно сложив руки у себя на груди. – Если и были, то мне уж, *mon cher*, не было об этом известно! – категорично заключила она.

– Но, может быть, на службе или при дворе... – не отставал я от нее.

Княгиня бросила на меня грозный взгляд и отрезала:

– В свои служебные дела Николай Николаевич меня не посвящал! Да и карьера у князя была блестящая!

– Тогда у него могли быть завистники! – осмелился я предположить.

– Могли, наверное, – сдалась, наконец, княгиня. – Но мне-то об этом откуда знать? – жалобно спросила она. – К тому же я слышала, что речь идет о каком-то языческом культе, жертвой которого он стал, – Ольга Павловна повернулась к образам и перекрестилась. – Вот нехристи, – простонала она. – И мы еще дали им приют в нашем доме! – воскликнула Ольга Павловна негодуя. – Я надеюсь, Лаврентий Филиппович их уже изолировал?!

– Мне об этом неизвестно, – пожал я плечами.

– Если бы вы только знали, Яков Андреевич, чего мне стоило сидеть с ними за одним столом! – воскликнула княгиня Титова.

– Воображаю, – поддакнул я, и мне снова стало безумно жаль несчастных индусов, которым самим в скором будущем предстояло стать настоящими жертвенными козлами. Поэтому

я решил вмешаться в эту историю как можно активнее, тем более что покойный князь принадлежал к масонскому братству, и его убийство являлось преступлением перед Орденом.

– Больше у вас нет вопросов? – спросила княгиня, откровенно давая понять вашему покорному слуге, что разговор закончен.

– К сожалению, есть, – ответил я.

– И что же вас еще интересует, Яков Андреевич? – изумленно спросила она.

– Где ваш супруг познакомился с брахманами? – поинтересовался я.

– Ой! – Ольга Павловна махнула рукой. – Откуда мне знать?

Я вообще была против этой затеи! – воскликнула она с горечью. – Знаю только, что в Петербурге! И откуда их только нечистый принес на нашу голову? – княгиня снова заплакала.

Я вернулся в столовую, но Мира к моему разочарованию к этому времени уже закончила трапезу и ушла в свою комнату. Зато я во всей красе застал Лаврентия Филипповича Медведева, который в это мгновение переживал свой поистине звездный час.

Он встал из-за стола и попросил у всех присутствующих минутку внимания. Лаврентий Филиппович намеревался произнести важную речь.

Взоры гостей и управляющего именем обратились к нему.

– Я сожалею, что дамы уже покинули наше общество, – начал он, – потому что мне предстоит сообщить вам нечто важное.

Во-первых, – он обвел всех грозным взглядом бледно-голубых, маленьких глаз, – я хочу объявить вам, что все вы, – Лаврентий Филиппович сделал многозначительную, театральную паузу, крикнул и снова заговорил, – находитесь под подозрением!

Я невольно закашлялся в ответ на его слова.

– Не исключая и дам, – добавил квартальный надзиратель, удовлетворенно потирая ладони. – При этом я оставляю за собой право подвергнуть вас всех особо тщательному допросу...

– Но... – воскликнул было Колганов.

– Никаких «но»! – прервал его Лаврентий Филиппович.

Мы с Сысоевым переглянулись. Он выглядел встревоженно, опасаясь, как бы наш Медведев, из-за рвения своего примерного, дров не наломал. Я же улыбнулся ему, пытаюсь успокоить. Все-таки с Лаврентием Филипповичем мы знали друг друга не первый день, и я надеялся, что сумею найти управу и на него, если он особенно расстареется.

Мадхава с Агастьей смотрели на Медведева во все глаза.

Ученик-брахмачарин Агастья шепнул что-то на ухо своему учителю, но тот сделал знак рукой, чтобы он подождал.

Я видел, что индусы заметно нервничают, и кусок не идет им в горло.

– Итак, – продолжил Лаврентий Филиппович, – я предупреждал вас уже, что начну проводить расследование и буду говорить с каждым в отдельности. Не так ли?

– Предупреждали, – согласился Колганов, которого эта сцена, по-моему, уже начала раздражать.

Медведев удивленно взглянул на него, словно не ожидал, что кто-то осмелится прервать его монолог, пусть даже и ради того, чтобы ему и ответить.

– Так вот, – произнес он с напускной важностью, – я уже беседовал с господами индусами, – квартальный кивнул в сторону брахманов и пришел к выводу, что господа... – Медведев наморщил лоб, припоминая имена, – Мадхава, – наконец, выговорил он, – и его ученик Агастья на момент преступления не имеют алиби!

Мадхава выронил из рук серебряную вилку, и она со звоном упала на камчатую скатерть, задела за стеклянную ножку фужера и опрокинула его. На белой скатерти расплылось малиновое пятно.

– А вы, Лаврентий Филиппович, на момент преступления имеете алиби? – вмешался я.

– Яков Андреевич, я бы попросил вас... – шея у Медведева побагровела, что свидетельствовало о том, что Лаврентий Филиппович начинает медленно свирепеть.

Я промолчал в ответ, и Лаврентий Филиппович продолжил.

– Но достопочтенные брахманы могли совершить это преступление в силу своих обрядовых обязанностей, – заметил он. – К тому же имеются некоторые неоспоримые улики, – по видимому, Медведев подразумевал под ними золотого божка, – которые свидетельствуют против них в этом деле!

– Но это ложь! – воскликнул брахман Мадхава, и смуглое лицо его пошло багровыми пятнами. – Мы никого не убивали!

Не совершали никаких жертвоприношений! Мы – мирные путешественники! – заверил он.

Агастья закивал головой в чалме, поддерживая его.

– Так или иначе, – ответил Медведев, – до выяснения всех обстоятельств, вы, господа брахманы, будете находиться под замком в своей комнате! Я лично за этим прослежу! Грушенька!

– кликнул Лаврентий Филиппович ключницу.

Медведев забрал у Грушеньки ключи от спальни индийцев и вышел из-за стола.

– Идемте, дорогие гости, со мной, – проворковал он ласково. – Я провожу вас до ваших апартаментов!

– Это произвол! – воскликнул Агастья.

– Разберемся, – закивал Лаврентий Филиппович.

Я Медведева всегда недолюбливал, но никогда, признаться, не держал Лаврентия Филипповича за идиота. Сейчас же, говоря откровенно, я начинал сомневаться в его здравом уме.

Столкнувшись с Медведевым в коридоре, когда он уже препроводил индусов до места, я остановил его, чтобы переговорить.

– Что вы творите, Лаврентий Филиппович? – спросил я своего давнишнего коллегу. – Какие у вас доказательства против этих несчастных? – укорил я его. – Ясно же, как божий день, что весь этот спектакль с жертвоприношением Индре подстроили, для того чтобы свалить убийство на них!

– Тогда, возможно, вы ответите мне, кто убийца? – Лаврентий Филиппович прищурил светлые глазки.

– Возможно, – ответил я. – Но не сейчас!

– Я-то хоть что-то делаю, чтобы пролить свет на это дело, – проговорил Медведев, – в отличие, Яков Анндреевич, от вас, – уколол он меня.

– Лаврентий Филиппович, – сделал я попытку урезонить его

– но мы же с вами знакомы не первый день... Вы должны мне лишь помогать вести расследование!

– Насколько мне известно, – вкрадчиво начал квартальный, – вам, Яков Андреевич, господин Кутузов это дело вести не поручал... А кто из нас двоих здесь является полицейским?

Мне оставалось лишь развести руками и отправиться восвояси.

Спустя полчаса явился-таки священник читать, какие положено, молитвы над телом. Это был невысокий сухенький старичок в неновой уже, но опрятной рясе, с густой седеющей бородой, которая немного тряслась, когда он разговаривал. У него был приятный голос, ласкающий слух, и яркие живые глаза с прозрачною бархатной поволокой, как у девицы.

Грушенька прямо в гостиную принесла ему графинчик сладковатого доппелькюммеля. Было заметно, что ликер пришелся ему по вкусу. Старичок сразу оживел, его бледные щеки, тронутые морозом, порозовели.

– Ну и метет! – приговаривал он, налегая на доппелькюммель. – Давно в наших краях такой метели не было!

– добавил священник, опорожнил свою рюмку и налил новую из графинчика. – Что здесь произошло-то, объяснит мне кто-нибудь толком или нет? – обратился он к Никите Дмитриевичу Сысоеву.

– Князя Николая Николаевича убили, – ответил управляющий, – да самым что ни на есть жутким образом, – добавил он и пересказал отцу Макарию все, что случилось.

– Ужас-то какой, – перекрестился тот.

– Ух, и страху же мы натерпелись, – вставила свое слово Грушенька, поправляя толстую, густую косу.

– С вдовой надо бы побеседовать, – пробормотал отец Макарий в ответ, словно размышляя о чем-то. – Убивается, поди?! – посочувствовал он.

– Убивается, – подтвердила Грушенька.

– А одно это соседство с басурманами чего стоит! – воскликнула Грушенька и надула пухлые щеки. – Хорошо еще, их Лаврентий Филиппович под замок посадил, – добавила она.

– А то страшно и шаг стало в доме ступить. Того и гляди где-нибудь гости дорогие зарежут, – проворчала ключница.

– Чего ты мелешь? – одернул ее Сысоев. – Тебя-то никто не спрашивает!

– Да, – вздохнул священник, поглаживая бороду. – Незнамо что в приходе творится! – добавил он, а потом повторил почти слово в слово то, что я уже слышал на конюшне от кучера. – Язычники у нас в имении завелись, – мрачно подвел черту отец Макарий.

– Запутанная это история, – заметил Иван Парфенович Колганов, поправляя концы своего шейного воротника, завязанные узлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.